

Наталья Владимировна Довгаленко

Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А., кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии, социологии и культурологии, Саратов, Россия
e-mail: dovgal30@rambler.ru

Ревизия постмодерна: онтологический аспект

Аннотация. Культурный контекст понятия «постмодерн» подвергается критике и пересмотру, так как не удовлетворяет потребности в осмыслении проблем, связанных с трансформацией human (человеческой природы) и существующими инженерно-технологическими практиками. Предлагаются новые «имена», термины (постгуманизм, метамодернизм и др.), актуализирующие современные экзистенциалы культуры, при этом оставляющие за порогом обсуждения онтологию. В статье доказывается, что онтология по-прежнему остается при двух доминирующих центрах, выделенных постмодерном: онтология субъекта, расширяющего социальную, коммуникативную эмпирию, сталкивающегося с новой знаково-символической формой (цифровизация) и методами (фрагментирование, конвергирование и др.), и деконструкции, «снимающей» господство смысла в культуре и развивающей далее конструктивистские пути художественных, техно-научных, социальных практик.

Ключевые слова: постмодерн, субъект, деконструкция, господство, постгуманизм, метамодернизм, диджимодернизм.

Natalya V. Dovgalenko

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Saratov, Russia
e-mail: dovgal30@rambler.ru

Postmodern Revision: Ontological Aspect

Abstract. The cultural context of the concept of “postmodern” is being criticized and revised, as it does not satisfy the need to comprehend the problems associated with the transformation of human (human nature) and existing engineering and technological practices. New “names”, terms (posthumanism, metamodernism, etc.) are proposed, actualizing the modern existentials of culture, while leaving ontology out of discussion. The article proves that ontology still remains with two dominant centers identified by the postmodern: the ontology of the subject, expanding social, communicative empiricism, encountering a new sign-symbolic form (digitalization) and methods (fragmentation, convergence, etc.), and deconstruction, “removing” the dominance of meaning in culture and developing further constructivist ways of artistic, techno-scientific, social practices.

Keywords: postmodern, subject, deconstruction, domination, posthumanism, metamodernism, digimodernism.

Введение (Introduction)

Содержание понятия «постмодерн» достаточно давно подвергается пересмотру, с одной стороны, в связи с вытеснением, исчерпанием собственных импульсов, с другой, с тяготением к маргинальности, элитарности концептов, методов, усугубляющих всё дальше раздражение массовой культуры. Третьей стороной выступает его ограничение, которое мы наблюдаем, в тщетной попытке покрыть своим смыслом многочисленные, «вот-возникающие» объекты и практики, с которыми человек сталкивается сегодня на всех уровнях культуры, включая повседневность: вторжение в реальность гибридных, информационных, биотехнологических систем, практик социального дистанцирования, виртуальных коммуникаций, технологий конвергенции и пр. Культурный контекст реальности всё настойчивее пере-

секается с техно-научным, от этого уже невозможно уклониться. Технологией пронизано поле образования, искусства, повседневности. В этой статье поднимается вопрос онтологического основания данных перемен. Мы задаемся, прежде всего, вопросами: расширяют ли смысл «постмодерна» новые культурные обозначения: постпостмодернизм (post-postmodernism), постгуманизм (post-humanism), автомодернизм, диджимодернизм, метамодернизм и пр.? И главное, изменяется ли в их контексте онтологическое ядро постмодерна?

Методы (Methods)

Прежде всего, следует отметить, что ситуация постмодерна всё еще остается ситуацией субъекта, который, правда, подвергается разного рода «вытеснениям». Попыт-

ка первая связана со структурализмом, фактически заменившим практики индивидуальные, социальные системой знаково-символической коммуникации. Структурализм «...на поверку есть не что иное, как попытка сформулировать общую методологию наук о человеке» [1, с. 14]. Структурализму удалось ранее невозможное сведение несводимого: опыта внутреннего, личного, даже не артикулированного, бессознательного и общего, социального, выводящего к рефлексии, традиции и прочим формам культуры. В этом сведении этнологическое и историческое содержание опыта получило опору в лингвистическом. «Мы хотим лишь извлечь из огромного числа разнообразных данных опыта, превышающих возможности наших наблюдений и описаний, такие постоянные величины, которые повторяются в иных местах и в иные времена» [2, с. 88], — отмечал К. Леви-Строс. В системе знаков, структур сосредоточилось универсальное *ratio*, ибо их прочтение, толкование осуществлялось по схемам западноевропейского понимания. Потому субъект остался определяющей мерой их наличия, хотя его присутствие подверглось замалчиванию, «вынесению за скобки».

Деконструктивизм, как новое методологическое явление, усугубил ситуацию субъекта. Он стал распознаваться в диалектике, открывающей «абстрактную негативность» (Г. В. Ф. Гегель). Она выразилась через преодоление «рабской» необходимости смерти, отрицания. Поэтому «господство» стало, с одной стороны, стержнем мышления, с другой, оно же открылось через избегание события смерти, вобрав в себя само содержание «рабской» природы. Именно эти отношения стали конститuentами смысла, истории, дискурса и как структурная матрица определили появление новой модели познания. Следуя за Ж. Батаем, Ж. Деррида полагает, что они тем не менее не выступают определяющими, и потому смысл не лежит в основании субъекта, понятия, письма... Таким образом, идиома «смерть субъекта», порожденная культурой постмодерна, связана, скорее, не с его изъятием из системы всевозможных отношений, а со снятием господствующего положения в априорности смысла, носителем которого он выступает. «Смехотворно само подчинение очевидности смысла, силе императива, требующего, чтобы смысл всегда оставался, чтобы в конечном счете в смерти ничего не терялось, чтобы смерть получила значение всё той же “абстрактной негативности”, чтобы всегда была возможна работа, которая могла бы откладывать наслаждение, наделять смыслом, серьезностью и истиной выставление на кон. Это подчинение и есть суть и стихия философии, гегелевской онто-логики» [3, с. 407–408]. Субъект, переставая быть носителем смысла, становится «точкой неутайки», высказывания, письма. Из положения «господства» он переходит в «суверенность». «Суверенность абсолютна тогда, когда она удаляется от всякого отношения и замыкается во мраке тайны» [3, с. 421]. Исходом для нее и становится сообщение, письмо, которые здесь понимаются как некий род неизбежности слова, являя как возможность, так и отсутствие логоса. Суверенность не требует признания, свидетельства, понимания, и человек предстает как «чистая сцена», где не может быть заданной установки слова, где разворачивается жестокость как воз-

вращение к телу, жесту, необходимости повторения. «Присутствие, чтобы быть присутствием и присутствовать для себя самого, уже начало себя представлять, уже дало себя затронуть» [4, с. 394].

Таким образом, деконструкция субъекта, привнося феноменологический опыт в «поле» смысла, разрушает привычное понимание знания как «господства» разума, как носителя критериев истины, разрушает заданность и предопределенность дихотомий, понятий. В ней содержится вытеснение такого содержания субъекта как «законодатель» мышления и воли.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Деконструкция по праву может претендовать не только на «методологическую революцию», но и на исток новой онтологии. Ф. Е. Ажимов полагает, что разрушение ею метафизики не создает альтернативные проекты, а открывает «современную метафизику» [5, с. 138]. В этом же ключе высказывается Н. А. Темнюк: «...Деррида желал подчеркнуть, что он не выступает в качестве философского разрушителя, а создает новую философию, стремясь соединить достижения различных философских систем» [6, с. 180]. А. Фекондо определяет деконструкцию как «событие» (*événement*), оставляя позади ее трактовки как метода, акта, операции [7, с. 157]. Следствием данного события и стала новая онтология, включающая в себя тему субъекта как лишь один из горизонтов кардинальных изменений.

Сама деконструкция с ее претензией на снятие «господства» логоса его не сокрушает, а лишь ставит под вопрос данную им установку по рационально-смысловой организации мышления. Новой основой можно назвать онтологию хаосмоса. «Таким образом, концепт — это хаотичное состояние по преимуществу; он связан с хаосом, который сделан консистентным, стал Мыслью, ментальным хаосмосом. Да и что бы значило мышление, если бы оно не измерялось постоянно хаосом? Разум являет нам свой истинный лик лишь тогда, когда он “грохочет в своем кратере”» [8, с. 265]. Разум открывается как бесконечная сфера содержания, ограничить которую рацию уже невозможно. Необходимо учитывать весь спектр когнитивных, эмоциональных, бессознательных практик, телесность, новые знаки и смыслы культуры, нарративы, виды возникающих конвергенций и т. д.

Попадая в ситуацию актуальной современности, мы не столько переосмысливаем онтологию деконструкции субъекта, которую создал или пытался создать постмодерн, сколько раскрываем ситуацию новых отношений субъекта, в которые он не попадал до настоящего времени. Перебираем культурные аттракторы, которые влияют на выбор содержания субъекта, или новые коннотации и экзистенциалы «господства». Так, например, постгуманизм заявляется как направление, децентрирующее человека в привычном поле дискурса рации, этики и включающее в реальность других субъектов, агентов, акторов. Он делает акцент на демаркации человеческого и нечеловеческого, ставя проблему так называемого «расширения» (*human enhancement*), сенсорных, когнитивных и прочих способностей человека, которые могут трансформировать, преодолеть его сущность.

Потому, с точки зрения А. В. Павлова, возникая в том числе из движения феминизма, постгуманизм не только ставит вопрос об уходе от телесной, половой измеримости субъектов, но и преодолевает парадигму «антропоцена», введенную наукой из-за глобального влияния человека на геологический облик экосистемы Земли. «Возможно, постгуманизм — это именно то, что в итоге окончательно упразднит постмодернизм» [9, с. 33]. Но децентрация human не может подмениться темой его негации.

Базовыми становятся практики, определяющие тяготение субъекта к выходу из границ матричного самовыражения к художественному, поэтическому, даже технологическому. Они гораздо лучше, позитивнее относятся к экспериментированию, моделированию, операциональному отношению с реальностью. Техника, постепенно освобождаясь от господства науки, преодолевает производственную ограниченность и становится самостоятельным актором культуры. Она открывает новый род столкновений субъекта, «натякающегося» на границы собственного тела и когнитивных возможностей; хранения, выражения, передачи смыслов (информации); наконец, самой реальности (создание виртуального). Именно данные столкновения провоцируют культуру на радикальные изменения и фиксируются через понятия «постпостмодернизм», «автомодернизм», «диджимодернизм» и др.

Постпостмодернизм открывает эпоху «конструирующего постмодерна», которая логически сопровождает само событие деконструкции [10, с. 44]. Акции по демонтажу власти определенных тем, структур, смыслов наиболее показательно и ярко раскрылись через искусство. Эра постмодерна породила усталость и голод по творческой деятельности, новым аспектам ее социализации, тем более что они невероятно расширились (коммуникационно-информационные ресурсы, технологии, материалы и пр.). Можно согласиться с Е. Б. Липским, что основная тема постпостмодерна отнюдь не «смыкание» искусства с техническим началом. Вопрос скорее стоит о том, что «...в пост-постмодерне искусство и культура становятся не только критикующими и иронизирующими, но и само-критикующими и само-иронизирующими, прежде всего с целью собственного улучшения и собственной деидеологизации...» [10, с. 45–46]. Формируется надежда выстроить мир абсолютной приемлемости, новых гуманистических высот, вернуть в искусство и социальность искренность отношений, творчества. Эти ценности продвигает и метамодернизм, основная идея которого состоит в обретении блуждающего внутри модерна, прячущегося за цинизмом и властью логоса. Потому его образ — это маятник, стремящийся к устойчивому положению, с одной стороны, в перевернутом же виде (отсылка к знаменитому описанию И. Р. Пригожина объективной стороны хаоса) отражающему доминирование неопределенности. Так это трактуют Т. Вермёлен и Р. ван ден Аккер: «Всякий раз, как энтузиазм метамодерна качнет в сторону фанатизма, гравитация вытягивает его обратно к насмешке; в миг, когда насмешка качнется в апатию, гравитация вытягивает его обратно в энтузиазм» (цит. по: [11, с. 202]).

Идеи автоматизма и диджимодернизма делают акцент на практиках, связанных с технологиями, влияни-

ем их на антропологическое содержание, социальность, культуру. Автомодерн абсолютизирует чрезмерность повторения, техническую точность, воспроизводимость смыслов культуры и одновременную самозамкнутость субъекта, который чрезвычайно озабочен собственным «контентом» (содержанием), формируемым, прежде всего, деятельностью в информационно-коммуникативном пространстве. Именно здесь выступает на поверхность диссонанс «автономности» и «публичности». «...Благодаря таким вещам, как ноутбук, размывается частное и публичное пространство. Переносной компьютер может помочь нам развлечься в путешествии, но его наличие не позволит расслабиться окончательно, так как в ситуации, когда человек находится на связи, его в любой момент могут попросить сделать срочную работу» [12, с. 105]. Человек становится частным проявлением гипертекста.

Диджимодернизм открывает особый тип отношений субъекта — цифровой. Он не только раскрывает особое, изменившееся формально и содержательно коммуникативное поле, но и определяет в нём человека в новой ситуации «властных отношений». Текст, став гипертекстом, приобретает нового господина не в смысле, а в игре. Модернизм — кино, постмодернизм — телевидение, диджимодернизм — видеоигра. «Играм свойственно деятельное участие в создании и расширении “бесконечных нарративов”, они дополняют существующие (вселенная Marvel, Гарри Поттера и другие) и создают новые (такие, как франшиза GTA или S.T.A.L.K.E.R., по которой написан не один десяток книг и снято несколько фанатских короткометражек)» [13, с. 187].

Заключение (Conclusion)

Можно констатировать, что пока онтологическое содержание постмодерна демонстрирует собственную неисчерпанность. Его различные «расширения» (постгуманизм, метамодернизм, автоматизм и др.), о которых мы говорили выше, показывают глубинную связь с событием деконструкции, а также абсолютизируют праксис новых отношений, в которые попадает всё тот же субъект. Потому можно согласиться с А. Я. Большуновым и А. Г. Тюрниковым, которые определяют современную онтологию как онтологию сфер, с одной стороны: «Люди, по П. Слотердаю, являются спонтанными онтологами, занятыми работой по созиданию, обустройству и дизайну миров своего бытия людьми: “люди существуют как нетривиальные онтологические машины”» [14, с. 96]. С другой стороны, ее определяют «онтологией медиаторов», вовлеченных в некий контекст и бесконечность связей, отношений внутри него. Она поддерживается акторно-сетевым подходом Б. Латура, снимающим заданность онтологических центров в виде «человека», «социума», «природы» и смещение в сторону опосредующего. «...Об акторах будет сказано, что они в одно и то же время и охватываются контекстом, и удерживают его на месте, а о контексте — что он одновременно и заставляет акторов вести себя тем или иным образом, и, в свою очередь, сам творится их обратной связью» [15, с. 238].

Однако онтологическое звучание постмодерна отражено и в самой деконструкции, если ее принять событийно,

метафизически, а не только методологически. Актуальной культурой продолжается «работа» с текстом, в котором сняты властные преимущества смысла, в котором меняются содержательно и формально знаки (цифровизация), отношения (многоуровневость, мануальность и сенсорность, технологичность), структуры (конгломерации, фреймы, скрипты), доминирует рекуррентность (регулярное повторение единиц, фрагментов текстовой реальности и их ком-

бинаций). Особое значение приобретают нереализованные возможности конструктивизма, порождающие содержание «жизни» в каком-то особом качестве гибридности, модульности, инженерной «вседозволенности» в соединении несоединимого ранее по смыслу. Вопрос о том, до какой степени блуждание в изменившейся методологии, экспериментировании со знаками и средой будет нейтрально воздействовать на судьбу субъекта, остается пока открытым.

Библиографический список

1. Де Ман П. Слепота и прозрение / пер. с англ. Е. В. Малышкиной. СПб. : Гуманитарная Академия, 2002. 256 с.
2. Леви-Строс К. Структурная антропология / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М. : Эксмо-Пресс, 2001. 512 с.
3. Деррида Ж. От экономики ограниченной к экономике всеобщей. Гегельянство без утайки // Деррида Ж. Письмо и различие. М. : Академический проект, 2000. С. 400–445.
4. Деррида Ж. Театр жестокости и закрытие представления // Деррида Ж. Письмо и различие. М. : Академический проект, 2000. С. 370–400.
5. Ажимов Ф. Е. «Архив» деконструкции Жака Деррида // Культурология. 2009. № 1 (48). С. 136–144.
6. Темнюк Н. А. Философия деконструкции Ж. Деррида // Инновации в науке, образовании и бизнесе — 2013 : тр. XI Международ. науч. конф. Калининград : Калинингр. гос. техн. ун-т, 2013. С. 178–181.
7. Феконодо А. Деррида: деконструкция этического-юридического-политического. Уточнение методологии // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 155–170. DOI: 10.25205/2541-7517-2020-18-1-155-170
8. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. 288 с.
9. Павлов А. В. Постгуманизм: преодоление и наследие постмодернизма // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 27–35. DOI: 10.31857/S004287440005053-3
10. Липский Е. Б. Пост-постмодерн: концептуализация идеи современного искусства // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2012. Вып. 2. С. 42–48.
11. Спиваковский П. Е. Метапостмодернизм: контуры глубины // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9 : Филология. 2018. № 4. С. 196–211.
12. Павлов А. В. Образы современности в XXI веке: автомодернизм // Философские науки. 2018. № 10. С. 97–113. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-97-113
13. Сафронов Э. Е. Что будет вместо постмодерна? Диджимодернизм как культурная доминанта // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2019. № 1. С. 178–195. DOI: 10.24411/2658-7734-2019-00010
14. Большунов А. Я., Тюриков А. Г. «Онтологическая двусмысленность» бытия человеком в современном мире // Развитие человека в современном мире. 2019. № 2. С. 95–105.
15. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

References

- Azhimov F. E. (2009) "Arkhip" dekonstruktsii Zhaka Derrida ["Archive" Deconstruction by Jacques Derrida]*, *Kul'turologiya [Culturology]**, no. 1 (48), pp. 136–144. (in Russian)
- Bol'shunov A. Ya., Tyurikov A. G. (2019) "Ontologicheskaya dvusmyslennost'" bytiya chelovekom v sovremennom mire ["Ontological Ambiguity" of Being a Man in the Modern World], *Razvitie cheloveka v sovremennom mire [Human Development in the Modern World]*, no. 2, pp. 95–105. (in Russian)
- De Man P. (2002) *[Blindness & Insight]*. Saint Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 256 p. (in Russian)
- Deleuze G., Guattari F. (1998) *[Qu'est-ce que la Philosophie?]*. Moscow, Institut ehksperimental'noi sotsiologii Publ., Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 288 p. (in Russian)
- Derrida Zh. (2000) Ot ekonomii ogranichennoi k ekonomii vseobshchei. Gegel'yanstvo bez utaiiki [From Restricted to General Economy: A Hegelianism Without Reserve], *Derrida Zh. Pis'mo i razlichie [Writing and Difference]*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., pp. 400–445. (in Russian)
- Derrida Zh. (2000) Teatr zhestokosti i zakrytie predstavleniya [The Theater of Cruelty and the Closure of Representation], *Derrida Zh. Pis'mo i razlichie [Writing and Difference]*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., pp. 370–400. (in Russian)
- Fecondo A. (2020) Derrida: dekonstruktsiya ehlichesko-yuridicheskopoliticheskogo. Utochnenie metodologii [Derrida: Deconstruction of the Ethical-Legal-Political. Methodological Clarification], *Sibirskii filosofskii zhurnal [Siberian Journal of Philosophy]*, vol. 18, no. 1, pp. 155–170, doi: 10.25205/2541-7517-2020-18-1-155-170 (in Russian)
- Latour B. (2014) *[Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory]*. Moscow, Vysshaya shkola ehkonomiki Publ., 384 p. (in Russian)
- Lévi-Strauss C. (2001) *[Antropologie Structurale]*. Moscow, Ehksmo-Press Publ., 512 p. (in Russian)

Lipskii E. B. (2012) Post-postmodern: kontseptualizatsiya idei sovremennogo iskusstva [Post-Postmodern: Conceptualisation of Idea of the Modern Art], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Vestnik St. Petersburg University]*, issue 2, pp. 42–48. (in Russian)

Pavlov A. V. (2018) Obrazy sovremennosti v XXI veke: avtomodernizm [Images of Modernity in the 21st Century: Automodernism], *Filosofskie nauki [Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie Nauki]*, no. 10, pp. 97–113, doi: 10.30727/0235-1188-2018-10-97-113 (in Russian)

Pavlov A. V. (2019) Postgumanizm: preodolenie i nasledie postmodernizma [Posthumanism: The Overcoming and the Legacy of Postmodernism], *Voprosy filosofii [Voprosy Filosofii]*, no. 5, pp. 27–35, doi: 10.31857/S004287440005053-3 (in Russian)

Safronov Eh. E. (2019) Chto budet vmesto postmoderna? Didzhimodernizm kak kul'turnaya dominanta [What Will Happen Instead of Postmodern? Digimodernism as a Cultural Dominant], *Galactica Media: Journal of Media Studies*, no. 1, pp. 178–195, doi: 10.24411/2658-7734-2019-00010 (in Russian)

Spivakovskii P. E. (2018) Metamodernizm: kontury glubiny [Metamodernism: Outlining the Contours], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya [Moscow University Philology Bulletin]*, no. 4, pp. 196–211. (in Russian)

Temnyuk N. A. (2013) Filosofiya dekonstruktsii Zh. Derrida [Philosophy of Deconstruction G. Derrida], *Innovatsii v nauke, obrazovanii i biznese — 2013 [Innovations in Science, Education and Business — 2013]**. Kaliningrad, Kaliningradskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet Publ., pp. 178–181. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.